

9. Atkinson J. W. Models and myths of science: Views of the elephant / J. W. Atkinson // *American Zoologist*. – 1985. – Vol. 25 (3). – P. 727–736.

РЕЗЮМЕ

М. М. Орищенко. Проблема зростання наукового знання: підходи до розгляду.

У статті здійснено комплексний філософський аналіз проблеми зростання наукового знання. Зроблено спробу висвітлити та проаналізувати основні підходи до вивчення проблеми. Основою аналізу стали філософсько-наукові теорії К. Поппера, І. Лакатоса, Т. Куна, П. Фейєрабенда, Дж. Аткинсона та ін., що дозволяє по-новому поглянути на розвиток науки у XX столітті та її перспективи у XXI столітті.

Ключові слова: зростання наукового знання, парадигма, науково-дослідна програма, критичний раціоналізм, ірраціоналізм.

SUMMARY

M. M. Oryshchenko. The Problem of Growth of Scientific Knowledge: Approaches to Consider.

A comprehensive philosophical analysis of the problems of growth of scientific knowledge was made in the article. Also was made an attempt to analyze the main approaches to the problem. The basis of this analysis are the philosophical theories of K. Popper, I. Lakatos, T. S. Kuhn, P. Feyerabend, J. W. Atkinson and others. These theories introduced a new way to look at the development of psychological science in the XX century and its prospects in the XXI century.

Key words: growth of scientific knowledge, paradigm, research program, critical rationalism, irrationalism.

УДК 141.113(045)

Е. В. Ратникова
Институт философии
имени Г.Сковороды НАН Украины

ОСОБЕННОСТИ ПЛЮРАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ Р. РОРТИ

В статье проанализированы особенности плюрализма в философии Р. Рорти. Рассмотрены два периода его творчества – аналитический и постаналитический. Обсужден его переход от традиционной корреспондентной концепции истины к когерентной (контекстуальной) концепции. Показано, как контекстуализм Р. Рорти приводит к релятивизму и плюрализму.

Ключевые слова: прагматизм, плюрализм, релятивизм, аналитическая философия, истина, язык.

В духовной жизни современности плюрализм (особенно в социокультурной сфере) является одной из её характерных черт. Об этом пишут многие авторы [2; 4; 7–9; 12; 20]. В философском плане эту особенность эпохи более других обсуждал известный американский философ и культурный деятель Ричард Рорти. Его философское творчество можно довольно условно разделить на два периода: «ранний» – аналитический; «поздний», когда он отошёл от традиций аналитической философии и сблизился с постмодернизмом [3].

В работах, относящихся к первому периоду (примерно до середины 70-х годов), Р. Рорти развивает идеи прагматической аналитики У. Куайна и Н. Гудмена и «дескриптивной метафизики» П. Стросона. В центре его внимания – проблемы интересубъективного понимания и контекстуального употребления языка, исследование структур и связей фундаментальных категорий человеческого мышления, их отношения к «структуре реальности». Р. Рорти придерживается здесь известной прагматистской позиции, идущей ещё от Ч. Пирса, который в своё время предложил метод (его называют также «тезисом Пирса» или «принципом Пирса») для установления значений понятий и утверждений, метод, не имеющий ничего общего как с картезианскими критериями ясности, так и с конвенционализмом номиналистов. «Прагматистское правило» этого метода состояло в утверждении необходимости изучить все возможные последствия употребления высказывания или понятия на протяжении долгого периода для понимания их значения.

Тем не менее, со временем позиция Р. Рорти меняется, что особенно ярко проявилось в одном из его главных произведений – книге «Философия и зеркало природы» (1979). «Цель книги, – писал Р. Рорти во «Введении», – заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к «уму» как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к «познанию» как к чему-то такому, о чем должна быть «теория» и что имеет «основания», а также к «философии», как она воспринималась со времен Канта» [16, 5]. В этой книге предметом его критики является прежде всего теоретико-познавательная (эпистемологическая) традиция, которая, по мнению американского философа, ведёт от Платона через Декарта и Канта к современной аналитической школе. Согласно Р. Р. Рорти, эта традиция состоит в стремлении найти **обоснование** нашего знания или в наших верований в какие-то **незыблемые** принципы и начала, вроде идей Платона, априорных категорий рассудка (И. Кант), независимых объектов (реалисты), «чувственных данных» (логические позитивисты), свойств нашего языка (аналитические философы).

Р. Рорти всё чаще выступает как активный поборник **релятивистских** принципов прагматизма, направленных против сциентизма традиционной аналитической философии, с одной стороны, и «метафизики» – с другой. Прагматические элементы его философии видны уже в ранний период, когда он обратился к давней философской проблеме соотношения психического и физического (сознания и тела, или «mind-body problem»). Общая логика рассуждений Р. Рорти базировалась на том, что разделение «ментальное –

физическое» не может обнаружить своих оснований в самом опыте. «Для того, чтобы понять причины нашей уверенности в том, что мы пребываем в состоянии ностальгии, – писал Р. Рорти, – мы должны воздвигнуть онтологический барьер между ностальгией и нейронами» [16, 180]. Поэтому означенное разделение может и должно искать эти основания, и соответственно путь разрешения психофизической проблемы в области языковой практики [6, 466]. Дилемма «ментальное – мозговые процессы» разрешалась Р. Рорти в пользу языка нейрофизиологии, описывающего человеческие состояния в терминах нейронов и возбуждений коры головного мозга.

Такой (эпистемологический) бихевиоризм имеет предшественников в лице У. Куайна, Г. Райла и др. Например, Г. Райл был убежден, что «...к бихевиоризму обязывает нас категориальная структура наших естественных языков» [1].

Эпистемологическая традиция допускает, что познанию всегда предшествует самостоятельная, независимая от человеческого мышления реальность, точным и адекватным отображением которой призвана служить философия. Утверждается, что философское или научное познание (в этом плане он их почти не различает), репрезентирующее (воспроизводящее) объективную реальность, должно быть методически строго выверенным и неопровержимым. Р. Рорти видит свою задачу в том, чтобы радикальным образом деконструировать и преодолеть это традиционное, восходящее к Р. Декарту и Дж. Локку представление о философии как дисциплине, обеспечивающей **точную репрезентацию бытия**. Такое представление он описывает с помощью метафоры зеркала, как «зеркала Природы», отражающего объективный мир. Познание, с его точки зрения, не отражает реальность, а только взаимодействует, «справляется» с ней – взаимодействует на манер инструмента с податливым материалом. Здесь просматривается связь с инструментализмом Д. Дьюи, которого Р. Рорти неизменно почитал как одного из главных своих предшественников.

Также своеобразно трактуется здесь и понимание: оно означает «извлечение пользы» и умение «справляться с событием»; это способ держать ситуацию под контролем [5, 399]. Идея «извлечения пользы» – прагматистская идея. Так, он часто и много рассуждает о пользе тех или иных сущностей. Например, рассматривая отличие знания о сделанных объектах от знания об открытых объектах, он писал в своей «Философии и зеркале природы»: «Постулированные теоретические сущности во внутреннем пространстве не являются, будучи внутренними, полезными в большей степени, чем такие сущности во внешнем пространстве при объяснении того, как может такое знание быть вообще...» [16, 114].

Дело в том, что Р. Рорти вообще рассматривает эволюцию познания как противоборство, по крайней мере, двух непримиримых парадигм – традиционной эпистемологической и прагматистской. Победе последней должна способствовать антирепрезентативная стратегия, основой которой выступает идея о подлинно творческом характере человека, который не столько

открывает истины, сколько создает их, и важнейшей сферой жизнедеятельности творческой личности выступают речевая коммуникация и язык, где человек и реализует себя, **конструируя свой опыт** – ментальную, житнетворческую практику – как своего рода текст. А истина при этом становится лишь своего рода «рекомендательным термином», используемым для поддержки тех наших убеждений и верований, которые мы считаем благими [15, 88]. Тогда познание, согласно Р. Рорти, выступает как «интерпретированное пере-описание сущего ангажированным субъектом», вовлеченным в некоторый социокультурный контекст. Оно не отражает, но «справляется» с явлением, устанавливая его связи с другими явлениями контекста. Интерпретирование имеет цель упомянутое выше «извлечение пользы», умение «справиться» с событием, держать ситуацию под контролем. Если теория (согласно Р. Рорти, некий словарь терминов) служит удовлетворительно, то она истинна. «Способ, каким вещи сказываются и используются, более важен, чем обладание истиной», – пишет Р. Рорти, подчёркивая, – «...обоснование знания не есть вопрос об особом отношении между идеями (или словами) и объектами, но **дело... социальной практики**» [23] (выделено мной – Е. Р.). В контексте «аналитического неопрагматизма» Р. Рорти позитивный характер имеют такие описания действительности, которые предельно полезны в рамках той или иной особой ситуации: язык тем самым выступает как базовое орудие эффективного действия индивида в окружающем мире.

Р. Рорти не раз указывал на то, что любое знание выражено в языке, и истина – характеристика, относящаяся исключительно к высказываниям, текстам, а не к миру. Языковые тексты никоим образом не связаны с реальным миром. Действительность, как он полагал, не «говорит», говорят только люди, причём на языке, созданном ими же. И истина – это свойство текстов, которое проявляется при сравнении одних текстов с другими. Также Р. Рорти не раз подчёркивал, что истина не открывается, а создаётся в процессе говорения и написания. Отсюда следует вывод о том, что человечество в целом (учёные в частности) должны отказаться от притязаний на всеведение и признать **относительность** любых обретенных истин, ранее открытых в философии, науке, искусстве и т.д. Любая истина может и должна быть подвергнута сомнению и деконструкции.

Таким образом, Р. Рорти радикально критикует традиционное для эпистемологии (от Дж. Локка до И. Канта) чёткое различие субъекта и объекта, а также, как уже здесь отмечалось, и понимание истины как взаимно однозначного отношения между мыслью и вещью или между суждением и состоянием дел. В этом плане он выступает как противник традиции **фундаментализма** в эпистемологии (и философии вообще), согласно которому «знание можно оправдать, апеллируя к каким-то основаниям вне лингвистического каркаса, в котором оно выражено» [21, 15]. Вообще под фундаментализмом в современной западной философии обычно имеют в виду характерное для прежней философии убеждение в том, что все духовные (в том числе теоретические) философские явления должны иметь какие-то устойчивые

основания, «первые начала». Ибо ещё Аристотель определял метафизику, или первую философию, именно как «науку о первых началах бытия и познания». С точки зрения многих современных западных философов, никаких таких оснований, или «первых начал», нет, а философия в этом смысле является антифундаменталистской. Считается, что Дж. Дьюи сделал большой вклад в разрушение фундаменталистского предрассудка [22]. И в самом деле, для Дьюи, как, в частности, и для У. Джеймса, основное понятие философии – опыт. При этом опыт включает в себя всё, что может стать предметом нашего сознания и того или иного нашего действия. Говорить же о каком-то основании опыта – почти бессмысленно [13].

Р. Рорти критикует также традиционное (классическое, аристотелевское) понимание истины как соответствия знания отображаемой им действительности. «Мы должны отбросить понятие соответствия для предложений, так же как и для мыслей, и рассматривать предложения как связанные скорее с другими предложениями, нежели с миром. Мы должны рассматривать термин «соответствует тому, какими являются вещи» как автоматический комплимент успешному нормальному дискурсу, а не как отношение, которое должно изучаться и подниматься на пьедестал по ходу всего остального дискурса» [16, 275]. В этом плане «истинной» можно назвать лишь ту теорию, которая помогает нам «управляться с окружением»; истина – это, скорее, «то, во что для нас вернее верить», нежели «точное изображение реальности».

Тем самым, предлагаемая американским философом трактовка истины учитывает **полезность** предпочтения идеи истины как соответствия, потому носит **прагматический** характер. Однако соответствие Р. Рорти трактует не как адекватность некоему фрагменту действительности, как он существует сам по себе, а как соответствие **контексту**, как «вписанность» в этот контекст. Если идея контекстуально уместна и работоспособна, она истинна. В этом плане один из современных авторов, описывая проблематику, характерную для второй половины XX столетия, указывает на такие проблемы, как «пространственно-временная фрагментарность, контекстуальность, случайность, ироничность» [19].

Отвергая корреспондентную концепцию истины (т.е. когда истина рассматривается как соответствие знания объективной реальности) как «реалистическую догму», Р. Рорти предлагает заменить эту якобы изжившую себя эпистемологическую доктрину концепцией «согласованности» (когерентности) как соответствия утверждения определённому контексту, принципам и требованиям той или иной «языковой игры», действующей в том или ином конкретно-историческом сообществе индивидов.

Тем самым, Р. Рорти отмечает, что если говорить о языковом поведении человека, о дискурсе, то можно сказать, что мысль всегда «ситуативизирована» в специфическом контексте. Таким образом, он в полной мере является контекстуалистом [18, 773], причём за свой контекстуализм он «воздавал хвалу Ницше» [15, 115]. Взятые вместе прагматизм и контекстуализм создают

определённое своеобразие его философским взглядам, прежде всего его трактовке истины, которая носит у него явно контекстуальный характер.

Заметим, что контекстуализм Р. Рорти, связанный с идеей относительности, можно соотнести с контекстуализмом упоминавшегося выше его соотечественника У. Джеймса. Однако у У. Джеймса контекстуализм относится к его трактовке **опыта** в рамках так называемого «радикального эмпиризма» [13]. Как и Р. Рорти, критикуя декартовский онтологический дуализм «души и тела», Джеймс указывал, что этот дуализм следует прилагать не к особой ментальной сущности, а к функциям «чистого опыта», в котором «случается познание». По У. Джеймсу «чистый опыт» – это единственный материал в мире, из которого всё создано. В субстанциональном отношении он нейтрален. В одном случае его поток функционирует как мысли, в другом – как физические факты, т.е. всё зависит от контекста и нашего интереса.

Контекстуальность истины особенно ярко проявляется в социогуманитарной сфере, где она носит подлинно ситуативный («интервальный») характер: она оказывается действительной лишь в определённых масштабах пространства и времени, в той или иной конкретной социокультурной ситуации, в границах определённых социальных институтов. И потому вполне уместно, на наш взгляд, соотнести обсуждаемую здесь контекстуальность истины с её гегелевской процессуальной трактовкой как «конкретной истины» (и вообще гегелевской трактовкой конкретного как объекта во всём богатстве его содержания). Ибо гегелевскую «конкретность» здесь, по-видимому, можно трактовать и как отнесённость (референтность) к конкретной ситуации, к некоторому контексту. Ведь мы уже отмечали, что Р. Рорти подчёркивал «ситуатизированность» мысли, её умение «справиться» с конкретным событием.

Переход от корреспондентной концепции истины к когерентной имеет у Р. Рорти значительные прагматистские предпосылки. В «Философии и зеркале природы» он писал об этом так: «Философы, которые имеют сомнения относительно традиционной эпистемологии, часто рассматриваются как люди, которые подвергают сомнению представление, согласно которому из всех несовместимых конкурирующих теорий истинной может быть самое большее одна. Однако трудно найти кого-нибудь, кто именно так ставит вопрос. Когда, например, говорят, что когерентная или прагматистская «теория истины» допускает возможность того, что многие несовместимые теории будут удовлетворять множеству условий «истинности», сторонники когерентного или прагматистского подходов отвечают, что это просто показывает, что мы не должны иметь оснований для выбора среди этих кандидатов на «истину»» [16, 276].

Контекстуальность истины часто ведёт к релятивизму. В литературе нередко этот термин смешивают с плюрализмом. Здесь мы их будем различать. Хотя «плюрализм» и «релятивизм» – во многом близкие по содержанию понятия (например, их объединяет абсолютизация идеи относительности), но контексты их использования имеет смысл, на наш взгляд, различать.

«Плюралізм» чаще соотносится с социокультурными и онтологическими контекстами, в то время как «релятивизм» – с эпистемологическими и когнитивными. Наиболее ёмкое, на наш взгляд, определение эпистемологического релятивизма приводит Е. А. Мамчур: «Эпистемологический релятивизм – это концепция, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов и теорий относительно *одного и того же* объекта не существует *единственно верной*. Той, которая может считаться адекватной реальному положению дел в мире. Да и искать ее не нужно, полагают релятивисты, поскольку все эти точки зрения и теории *равноправны*» [10, 76] (*курсив Е. Мамчур – Е. Р.*). При этом она указывает на необходимость важного различения – **релятивизма** как эпистемологической концепции, с одной стороны, и свойства **релятивности знания** – с другой. Как пишет Е. Мамчур, релятивность знания – «это относительность наших знаний к определенному типу парадигмы или культуры, к тому или иному типу рациональности, в рамках которых это знание возникает и функционирует» [10, 76].

Заметим, что к релятивизму нередко ведёт и так называемый эпистемологический бихевиоризм, согласно которому основные параметры знания детерминируются поведением (в частности языковым) субъекта. А поскольку описание этого поведения (в том числе и языкового, или, как пишет Р. Рорти, «исследование определенных способов взаимодействия человеческих существ» [16, 129]) существенно зависит от контекста, определяется ситуацией, то получается, что эпистемологический релятивизм почти неизбежен.

Р. Рорти трактует эпистемологический бихевиоризм следующим образом: «Объяснение рациональности и эпистемического авторитета ссылкой на то, что говорит общество, а не наоборот, является сущностью того, что я называю «эпистемологическим бихевиоризмом», позиции, свойственной Дьюи и Витгенштейну. Этот вид бихевиоризма... не требует идеалистической метафизической подпорки...» [16, 129].

Эту трактовку уместно соотнести с оценкой эпистемологического бихевиоризма, данной Бьёрном Рембергом, автором статьи о Р. Рорти в Стенфордской философской энциклопедии: «Предполагая, что эпистемические практики различаются (или, по крайней мере, могут различаться), то не удивительно, что приверженность Р. Рорти к эпистемологическому бихевиоризму должна привести к обвинениям в релятивизме или субъективизме» [22].

Таким образом, контекстуализм приводит к релятивизму и к плюрализму, если иметь в виду его склонность – в социокультурном плане – к либерализму и демократической традиции. Такая его склонность (т.е. такой «контекст») задаёт определённые базисные ценности и определяет, что является полезным. Иными словами, здесь вновь проявляется его прагматизм. При этом Р. Рорти полагает, что аргументы, обосновывающие эти ценности, имеют смысл только внутри специфического контекста. Переходя от классической аналитической философии к контекстуализму (как и Л. Витгенштейн), Р. Рорти приходит, в конце концов, даже к верховенству

политической культуры над философией [18, 773.]. Здесь с плюрализмом ассоциируется – если речь идёт о либеральном обществе – **свобода выбора**, а с нею, в свою очередь, идея **толерантности** как готовности принять иную позицию среди множества других равноправных, хотя, возможно, и существенно отличающихся друг от друга позиций.

Помимо сказанного, контекстуализм (а также и плюрализм) проявляется у Р. Рорти и в его трактовке морали через категорию «случайность». Здесь можно согласиться с В. Рудневым, который видит эту случайность морали в случайности языка. Последняя заключена в (отчасти метафорических) словах Р. Рорти о том, что «мир не говорит; говорим только мы». Мы сами изобретаем собственные «языковые игры», в которые вольны играть или бросить, как ребенок, надоевшую игрушку [17].

С таких толерантных и плюралистических позиций Р. Рорти рассматривает и перспективы развития философской мысли. На место философии как своеобразного синтеза гносеологии, оснований культуры («идеологии») и «строгой науки» должно быть поставлено, согласно Р. Рорти, всестороннее, индифферентное к дисциплинарным и мировоззренческим делениям исследование индивидуальности и социума. Цементирует это знание лишь идея «вездесущности языка» как всеобъемлющей формы человеческого опыта [11], а также понятие о человеке как творческом (т.е. создающем, а не открывающем истины) существе, реализующем себя в языке и самотворящемся как своеобразный «текст». И не случайно у Р. Рорти в этом плане одним из главных единомышленников является Ж. Деррида.

Философские тексты, согласно Р. Рорти, не отличаются от литературных текстов. Их интересно и поучительно читать, они раскрывают нам позиции авторов, их видения мира. Однако эти тексты не являются тем, что претендует на истинность или общезначимость. Они оправданы в той мере, в какой полезны субъекту-индивиду, в какой они «справляются» с каким-либо событием, значимым для этого индивида. «Американская прагматистская традиция, – писал Р. Рорти, – ставит себе в заслугу то, что она сломала перегородки между философией, наукой и политикой» [14, 20]. Любой прогрессивный мыслитель, как полагает Р. Рорти, должен способствовать уничтожению границ между философией, науками, литературой и прочими сферами человеческой деятельности. Деятельность философа, как и деятельность юриста или экономиста, имеет практический смысл, она являет собой поиск реальных возможностей человеческого существования и путей эффективного взаимодействия со средой. Философская деятельности сводится им к культурологическим исследованиям, лишённым современных дисциплинарных и мировоззренческих ограничений, опирается она на уже упоминавшуюся идею «вездесущности языка». Человек реализует себя в языке, конструируя свой жизненный опыт как своего рода «текст».

Прагматистская философия противопоставляется Р. Рорти систематической, в отличие от которой первая ориентирована не на исследование объективной реальности, а на практическое освоение и

преобразование действительности посредством языковой практики. Язык – средство взаимодействия с внешним миром, слова – «инструменты», используемые для определённых действий. Р. Рорти считает, что решение любой экзистенциальной проблемы возможно «переописанием знакомых вещей в незнакомых, новоизобретённых терминах» или включением в словарь описаний новых явлений. Язык не является неким посредником между объектом и субъектом, он не может быть адекватным или неадекватным реальности, а только более или менее удобным в употреблении.

Подводя итог, выделим основные, на наш взгляд, особенности плюрализма Р.Р. Рорти. Это, во-первых, существенно лингвистический характер его плюрализма, причём в контексте идеи «вездесущности» языка. Во-вторых, тесная связь с эпистемологическим релятивизмом (в качестве основания его плюрализма) и с контекстуальностью истины.

ЛІТЕРАТУРА

1. Блинов А.К. Аналитическая философия. Глава 13, п.13.3.1. [Электронный ресурс] / А. К. Блинов, В. А. Ладов, М. В. Лебедев. – Режим доступа:
<http://www.niv.ru/doc/philosophy/philosophy-analytic/125.htm>.
2. Губин В.Б. Плюрализм как методологическая шизофрения [Электронный ресурс] / В. Б. Губин. – Режим доступа:
<http://www.minsboard.ru/22/dok.php?id=0141>.
3. Джохадзе И. Философия как метафора (предисловие к статье Р.Р. Рорти «Философия Хайдеггера и прагматизм») / И. Джохадзе // Комментарии. – 1998. – № 14. – С. 233–266.
4. Зандкюлер Х. Й. Демократия, всеобщность права и реальный плюрализм / Х. Й. Зандкюлер // Вопросы философии. – 1999. – № 2.
5. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. четвертая: Философия XX в. – М. : Греко-латинский кабинет, 1999. – 448 с.
6. История философии : учеб. для вузов / [под ред. В. В. Васильева и др.] – М. : Академ-Проект, 2005. – 680 с.
7. Лук'янець В.С. Сучасна практична філософія та її вплив на майбутню долю епістемології [Електронний ресурс] / В. С. Лук'янець. – Режим доступу:
<http://sofy.kiev.ua/pf1/lukyan.htm>.
8. Лук'янець В. С. Філософський постмодерн / В.С. Лук'янець, О. М. Соболев. – К. : Абрис, 1998. – 352 с.
9. Майков А. Г. Границы науки и плюрализм когнитивных практик: [монография] / А. Г. Майков. – СПб. : ГУАП, 2005.
10. Мамчур Е. А. О релятивности, релятивизме и истине / Е.А. Мамчур // Эпистемология и философия науки. – 2004. – № 1. – С. 76–81.
11. Нехаева И.Н. Язык историка как условие применения дисконтактного метода к реальности / И. Н. Нехаева // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349, авг. – С. 55–59.

12. Огородников В. П. Деструктивность теории и метода плюрализма [Электронный ресурс] / В. П. Огородников. – Режим доступа: [http:// marxists.narod.ru/works/destruct.htm](http://marxists.narod.ru/works/destruct.htm)
13. Ратнікова О.В. Особливості трактування досвіду у філософії У. Джеймса / О. В. Ратніков // Мультиверсум. Філософський альманах. – К., 2009. – Вип. 87.– С. 120–131.
14. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Р. Рорти. – М. : Рус. феноменол. об-во, 1996. – 280 с.
15. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск : НГУ, 1997. – 320 с.
16. Рорти Р. Релятивизм: найденное и сделанное / Р. Рорти // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М., 1997. – С. 11–44.
17. Руднев В. Нравственность как набор языковых практик (рецензия на книгу: Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / В. Руднев. – М., 1996.) // Логос. – 1997. – № 10. – С. 148–153.
18. Скирбек Г. История философии / Г. Скирбек, Н. Гилье. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 800 с.
19. Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальности / А. Сыродеева. – М. : ИФ РАН, 1998. – 124 с.
20. Червонная Л. Г. Плюрализм в социально-гуманитарном познании / Л. Г. Червонная // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 127–136.
21. Юлина Н. С. Постмодернистский прагматизм Ричарда Рорти / Н. С. Юлина. – Долгопрудный : Вестком, 1998. – 100 с.
22. Ramberg V. Richard Rorty [Электронный ресурс] / V. Ramberg // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford, 2007. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/rorty/>
23. Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature / R. Rorty. – Princeton, 1979, – P.170.

РЕЗЮМЕ

О. В. Ратнікова. Особливості плюралізму у філософії Р. Рорти.

У статті проаналізовано особливості плюралізму у філософії Р. Рорти. Розглянуто два періоди його творчості – аналітичний і постаналітичний. Обговорено його перехід від традиційної кореспондентної концепції істини до когерентної (контекстуальної) концепції. Показано, як контекстуалізм Р. Рорти приведе до релятивізму і плюралізму.

Ключові слова: прагматизм, плюралізм, релятивізм, аналітична філософія, істина, мова.

SUMMARY

O.V. Ratnikova. Features of Pluralism in R.Rorti's Philosophy.

Features of pluralism in R. Rorti's philosophy are analyzed in the article. Two periods of his creativity – analytical and post-analytical – are considered. His transition from traditional correspondence conception of true to the coherent (contextual) conception is discussed. It is shown, how R. Rorti's contextualism leads to relativism and to pluralism.

Key words: *pragmatism, pluralism, relativism, analytical philosophy, true, language.*